

Герой, которого он любил всеми силами своей души. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

Герой, которого он любил всеми силами своей души. Даниил Александрович Гранин

Помню, как, впервые читая «Севастопольские рассказы», дошел я до смерти ротмистра Праскухина и как потрясла меня эта сцена. Позже, возвращаясь к этому месту, я уже не испытывал такого ошеломления, но обязательно вспоминал первое ощущение, похожее на электрический удар. Смерть эта происходит при отходе батальона с передовой, когда обстрел уже кончается и вдруг летит бомба, падает в аршине от Праскухина, крутится на земле с шипящей светящейся трубкой, и этот, в сущности, миг растягивается предсмертным ужасом, укрупняется, переходит в другой масштаб, где различимы все чувства, образы, мысли, которые проходят в воображении Праскухина. Они не просто заявлены вроде: «Перед ним промелькнула вся его жизнь», что бывало в подобных описаниях, здесь все напрямую показано автором. И не просто воспоминания, свойственные любому человеку, мелькают перед нами, а предстает мир чувств именно ротмистра Праскухина, человека суетного, мелкого, уже и до этого представленного не очень симпатичным. О чем же он думает, что проносится в его сознании в эти страшные мгновения? Самое первое – это самолюбивое удовольствие от того, что «Михайлов, которому он должен двенадцать рублей с полтиной, гораздо ниже и около самых ног его, недвижимо прижавшись к нему, лежал на брюхе».

И далее одна за другой мечутся мысли и чувства столь же ничтожные, поражающие своей не нравственностью. Но вот среди сорной дряни его жизни возникает образ женщины, которую Праскухин любил, образ с деталью трогательной, чем-то жалкой – «в чепце с лиловыми лентами». И мы вдруг понимаем, что он, Праскухин, не ничтожество, а обыкновенный человек, испорченный средой, что-то сохранивший в себе, что-то было и у него настоящее, хорошее.

Поток этих мыслей и образов автор мог бы еще растягивать и дополнять, но Толстой обрывает его, отнюдь не произвольно, а тем реальным временем, тем первым масштабом, в котором происходят внешние события, независимые от воображения Праскухина: страшный треск взрыва бомбы прерывает невыносимое ожидание.

«Слава богу! Я только контужен», – было первой мыслью Праскухина... И мы тоже переводим дух, потому что, сопереживая смертельную опасность, мы уже захвачены сочувствием Праскухину, мы очутились внутри его вопящей, застигнутой врасплох души. Однако вслед за мгновенным облегчением – «я только контужен» – начинается твориться что-то сомнительное, происходящее кругом как-то странно отодвигается от Праскухина, теряет реальность. Идут мимо солдаты, мелькают, мелькают, и Праскухиным овладевает страх, не страх ранения, не то, что кровь из него течет и может вытечь, а то, что солдаты его раздавят. Движения Праскухина становятся мучительно непонятными, нам никак не понять, что же с ним происходит, и вдруг все обрывается последней строкой, несмотря ни на что неожиданной, страшной, как выстрел в упор, – строкой, пронзившей меня в то, первое, чтение: «Он был убит на месте осколком в середину груди».

Что ж это такое, значит, он был уже убит, давно убит, пока мы читали его мысли, надеялись вместе с ним на спасение, он был уже с осколком в середине груди...

Не помню, не знаю, где еще в прозе есть, чтобы строка, одна строка, действовала столь внезапно, сильно, столько бы заключала в себе. Она и оглушает, и озаряет. Озаряют и последующие страницы, и предыдущие.

Безжалостно высвечивается этот последний миг, еще полный чувств, мыслей, составляющих жизнь Праскухина, то, с чем он уходит. Но все равно все предсмертные его тревоги, сомнения, как бы жалки они ни были, все равно это еще жизнь, где можно исправить, изменить. Нет постепенного перехода к смерти. Смерть – это разрыв. Границу между жизнью и смертью не заполнить, не размыть.

Толстовская строка передает этот скачок, обрыв, обвал. Секрет тут и в монтаже, в стыке, а еще и в том, что дана она в прошедшем времени: был убит. То есть смерть последовала в то время, пока мы читали предсмертные мысли Праскухина, ибо события происходили быстрее, чем мы читаем. Реальное время врывается в повествование, Толстой сталкивает его с временем литературным, и из этого столкновения возникает искра, освещающая таинственный акт смерти.

Кажется, Стефан Цвейг писал об интересе Толстого к смерти. Описаний смерти у Толстого много, всякое из них неповторимо, подробно, и каждый раз это открытие и художественное, и нравственное, и, может быть, и физиологическое. Смерть Андрея Болконского, смерть Ивана Ильича, Анны Карениной, Хаджи-Мурата, Василия Андреевича в повести «Хозяин и работник»... Точно в сильную лупу разглядывает Толстой конец человеческой жизни, переход в небытие, стараясь через этот момент

Герой, которого он любил всеми силами своей души. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
понять смысл человеческого существования.

Почему, однако, смерть Праскухина кажется неожиданной, ведь глава эта прямо начинается с сообщения юнкера барона Песта о том, что Праскухин убит? Юнкер Пест подтверждает, что он сам видел смерть Праскухина, и автор, далее упоминая о ротмистре Праскухине, прибавляет «покойник Праскухин». То есть Толстой отказывается от эффекта неожиданности, неведения, он не желает пользоваться никакими, самыми общепринятыми литературными приемами. Казалось бы, какое может быть переживание за смерть Праскухина, если уже объявлено, что он убит. А оказывается, может, и, как ни удивительно, мы еще сильнее переживаем, волнуемся, зная: на войне все может быть – и, вопреки сообщению, надеемся, цепляемся, верим в чудо, замороженные праскухинским непониманием смерти, он ведь совершенно не готов к смерти, он умирает, не зная, что это смерть. Он ни разу не думает о смерти, в отличие от лежащего рядом штабс-капитана Михайлова, который тоже «необъятно много передумал и перечувствовал за эти две минуты» и подумал: «Все кончено – убит», когда бомбу разорвало. Перечитывая «Севастополь в мае», зная, как Праскухин был убит, того первого ошеломляющего чувства я, конечно, не испытывал. Зато было другое. Была прожитая мною война, смерти, которых я навидался, – быстрые, случайные, нелепые, – сколько их было, убитых рядом со мною наповал, «на месте». И, проверяя Толстого собственным солдатским опытом войны, я убедился в непридуманности, в точности описанного. Это нелегко объяснить. Опыта смерти ни у кого нет. От всего виденного и пережитого осталась необъяснимая, но ясная мера истинности: так могло быть, а так не могло быть. С тех пор мера эта безжалостно отвергала многие книги о войне. Неправда, литературщина, украшательство... Прекрасные когда-то романы о первой мировой войне перестали читаться. А девятнадцатой давности «Севастопольские рассказы» устояли и утвердились, и даже как бы подтвердились. В них не образовалось наивностей или фальши. В них почти ничего не устарело.

В чем тут секрет?

Прочность «Севастопольских рассказов» во многом от правды – главного героя рассказов, в верности которому присягнул на этих страницах молодой Толстой. Но разве стареют только те произведения, которые обнаруживают неправду? Секрет прочности состоит не только в правде. Как стареют те или иные рассказы, романы? Одни, казалось бы талантливые (да и на самом деле талантливые), вещи почему-то ветшают, другие нет. Прослужив двум, трем поколениям, ставшие вроде классическими, произведения вдруг, именно вдруг, отвергаются, и не то чтобы новым читателем, нет, бывшие же поклонники отказываются от них, раздраженные незамеченной ранее приторностью, многословием, пафосом... Правда, заключенная в них, не в силах поддержать их. В чем тут дело? Слова «талант», «гений» сами по себе ничего не объясняют. Почему «Севастопольские рассказы» со всеми авторскими рассуждениями, понятиями того времени, со всей той войной, такой далекой от нынешней, остаются в полной силе военной прозой, война в них настоящая, не кажется облегченной, она такая же страшная, жестокая, требующая того же мужества, чести, долга, как и та, что мы пережили.

Из всех героев рассказа «Севастополь в мае» Толстому ближе и приятнее штабс-капитан Михайлов, хотя и в нем он признает робость и ограниченность взглядов. Михайлов переживает ту же предсмертность, что и Праскухин, так же все передумал и перечувствовал и простился с жизнью, то есть прошел наивысшее очищение смертью, которое, казалось бы, должно преобразить душу. Он увидел смерть вплотную и перед лицом ее должен был понять истинные ценности жизни.

Чувство смерти было полным, так потрясло его, что оторвало от всего земного: «...он так было хорошо и спокойно приготовился к переходу туда, что на него неприятно подействовало возвращение к действительности, с бомбами, траншеями, солдатами и кровью...»

Но Михайлов, который думает, что убит, остается жив. Он всего лишь ранен. Он остается в строю. Во имя долга он возвращается назад – проверить, что с Праскухиным. Он поступает по лучшему образцам воинской чести. Правда, при этом соображения о награде присутствуют и в его поступках, но в конце концов это не умаляет его благородства, храбрости.

Тем поразительнее другое, то, что происходит с ним на следующий день. А что же с ним происходит? Да в том-то и дело, что ничего не происходит! Он является вечером на тот же бульвар, где и раньше прогуливались офицеры, там играет та же егерская музыка. Те же аристократы – Гальцин и Кулагин ведут свои тщеславные разговоры. И вот показывается лиловатая (какое удивительное определение!) фигура

Герой, которого он любил всеми силами своей души. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru Михайлова на стоптанных сапогах и с повязанной головой. Он истинный герой, такое изведавший, и что же? Прежние чувства стеснения и тяги к этим штабным офицерам, аристократам живут в Михайлове, ему хочется быть принятым в их разговор, показать им, что он в курсе того, что происходит там, на передовой, и показать, что он умеет говорить по-французски. Чувства презренные, явно недостойные человека, который заглянул в глаза смерти. В чем же был урок? Где результат того возвышенного состояния, в котором находился наш герой, на поле боя увидевший смерть, в чем его новый взгляд на себя, на свою жизнь, в чем урок?

Увы, оказывается, ничего, почти ничего не изменилось. Кажется, любой другой писатель не удержался бы показать какое-то обновление, духовное очищение, возрождение Михайлова, ведь так просится, так соблазнительно, так, наконец, поучительно, а следовательно, нравственно. А вот Толстой отказывается от этого. Ничего не изменилось, Михайлов так же искателен, и робок, и одинок. Юнкер Пест так же хвастлив, на бульваре «все те же вчерашние лица и все с теми же вечными побуждениями лжи, тщеславия и легкомыслия». И мы понимаем: да так оно и есть, такова правда, которую не убоюлся указать писатель, именно в этом правда, и чувство недоумения, обиды, досады овладевает нами – да как же они, эти люди, не понимают, что так нельзя, что суета эта не достойна людей воюющих, готовых к смерти из-за высоких убеждений и любви к родине. Но, может, наши мучительные вопросы, наше смятение и есть тот важнейший нравственный итог, который мы извлекаем сами, который не успокаивает, не поучает, а мучает нас, заставляет искать ответа на это человеческое, такое понятное и такое непонятное свойство.

В рассказе все хороши и все дурны, нет ни злодеев, ни героев, и тем не менее откуда-то возникает вполне явственное восхищение защитниками Севастополя, трудно указать, откуда оно берется, нет в этом рассказе специальных сцен, лиц, как есть, например, в третьем рассказе – «Севастополь в августе». Похоже, что атмосфера правды каким-то таинственным способом вызывает ощущение мужества, стойкости; этим-то и прекрасна толстовская правда, что чувство это происходит несмотря на то, что Толстой занят обличением тщеславия офицеров-аристократов. Он высмеивает их высокомерие, чванливость, он их всех не уважает за неискренность, у всех у них на первом плане карьера, все делается ради нее.

Можно представить себе, какого писательского мужества потребовала в той обстановке верность такой правде, каждая сцена, каждый эпизод подчинен ей, без компромиссов, без исключений, без каких-либо украшений. Традиции военной литературы, весь пафос войны, все восставало против. Рассказ, особенно второй, «Севастополь в мае», изображал войну необычно, вопреки всем правилам, без героев, без подвигов. И дело касалось тут даже не только вызова традициям военной повести, но в безотрадной горечи, и все это о Севастополе, который тогда представлялся для всех святыней. Поэтому-то для Толстого встал вопрос о мере открытости, о границах правды: на что имеет право художник, как далеко он может заходить, изображая дурные черты людей, их пороки, их несправедливость... Впрочем, он, Толстой, сам куда лучше формулирует свои сомнения: «Может быть, то, что я сказал, принадлежит и одной из тех злых истин, которые, бессознательно таясь в душе каждого, не должны быть высказываемы, чтобы не сделаться вредными, как осадок вина, который не надо взбалтывать, чтобы не испортить его». Тяжелое, мучительное раздумье сопровождало Толстого в этом рассказе. Война поставила перед ним вопрос, который он решал и в следующие годы. Вопрос, который возникал и у других русских писателей, вплоть до Максима Горького, и каждый искал для себя ответа заново и находил, приходя так или иначе к толстовскому решению. Очевидно, иначе истинные таланты не смогли бы осуществить себя. Знаменательно, что никому легко, с ходу не давалась эта бесстрастная правда, к ней приходили, одолевая сомнения, выстрадав ее, и она становилась убеждением. «Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который был, есть и будет прекрасен, – правда.»

Правда не может быть злой, вредной, ненужной, она может быть мучительной, страшной, беспощадной, даже отталкивающей, но все равно она для Толстого прекрасна, и он ничем не поступает ради нее.

В третьем, последнем рассказе цикла «Севастополь в августе» оба брата Козельцовы погибают при падении Севастополя. Умирает раненый старший Козельцов, гибнет семнадцатилетний прапорщик Владимир Козельцов. Доблестная их гибель не помогла, русские войска покидают Севастополь. Ничем не возмещается, не уравнивается наше чувство жалости за эти две смерти. Мы не знаем, чем оправдаться их гибель, неизвестно, где, в чем искать утешение. И в этом тоже было художественное

Герой, которого он любил всеми силами своей души. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru открытие военной прозы Л. Толстого. Существовало какое-то неизбежное стремление уравновесить повествование. Наказать зло, обрушить возмездие, разоблачить подлость, что-то противопоставить несправедливости. Самым разным путем, но достигнуть удовлетворенности. Отказаться от этого, одолеть эту традицию было непросто...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!